

А. В. Пигин

Л. А. ДМИТРИЕВ КАК СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ КНИЖНОЙ СТАРИНЫ ЗАОНЕЖЬЯ И ПОМОРЬЯ¹

Резюме

В статье представлены основные результаты полевой археографической работы Л. А. Дмитриева в 1948–1960 гг. В этот период он был участником пяти экспедиций в Заонежье и Поморье; привезенные им рукописи и старопечатные книги находятся сейчас в Древлехранилище им. В. И. Малышева. Источниками сведений о поездках служат архивные материалы и публикации ученого. Предложен обзор наиболее значимых находок Л. А. Дмитриева. Полученные во время экспедиций опыт, наблюдения и материалы были использованы Л. А. Дмитриевым в его исследовании рукописной книжности Заонежья и севернорусской агиографии. В приложении к статье опубликованы архивные источники: отчеты об экспедициях 1948 и 1950 гг., а также два письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву, содержащие интересные подробности о поездках 1959 и 1960 гг.

Ключевые слова: Л. А. Дмитриев, археографические экспедиции, Карелия, Заонежье, Поморье, старообрядчество, Древлехранилище им. В. И. Малышева

---

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

LEV ALEKSANDROVICH DMITRIEV AS A COLLECTOR AND RESEARCHER OF HANDWRITTEN AND EARLY PRINTED BOOKS FROM ZAONEZHIE AND POMORIE

Abstract

The article presents the main results of Lev Aleksandrovich Dmitriev's archaeographic collection activities in the period from 1948 to 1960. At that time, Dmitriev took part in five expeditions to Zaonezhie and Pomorie. The manuscripts and early printed books that he brought back from these regions are now in the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg. Archival materials and works published by Dmitriev provide information about those trips. Dmitriev used his experience, observations, and materials that were obtained during the expeditions in his study of the Zaonezhie manuscript tradition and of the hagiography of Northern Russia. Reports on the expeditions of 1948 and 1950 and two letters from Dmitriev to Vladimir Ivanovich Malyshev, which provide interesting details about the trips of 1959 and 1960, are published in an appendix to the article.

Keywords: Lev Aleksandrovich Dmitriev, archaeographic expeditions, Karelia, Zaonezhie, Pomorie, Old Believers, Repository of Ancient Manuscripts of Pushkinskii Dom, Drevlekhranilishche

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-109-132

В мемориальном издании 1995 г., посвященном памяти Л. А. Дмитриева, хорошо представлены его заслуги в изучении древнерусской агиографии, «Слова о полку Игореве», научном редактировании и переводе древнерусских памятников на современный русский язык [Лев Александрович Дмитриев]. Отсутствие здесь отдельного очерка о Дмитриеве-археографе объясняется, вероятно, случайным стечением обстоятельств, поскольку полевая и камеральная археография занимала важное место в его научной деятельности². Памятная дата — в этом году исполнилось 30 лет со дня кончины Л. А. Дмитриева — является достойным поводом для того, чтобы хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

В кратком очерке В. П. Бударagina в настоящем номере журнала предложена общая характеристика научного вклада Л. А. Дмитриева как ученого-археографа. В свою очередь, эта статья имеет целью осветить отдельные

² На XXXV «Малышевских чтениях» в 2011 г. В. П. Бударагин выступил с докладом «Л. А. Дмитриев и Древлехранилище Пушкинского Дома», посвященным археографическому аспекту биографии ученого. Однако текст доклада не был превращен в статью; краткое изложение доклада см.: [Конусова, с. 243–244].

факты из истории экспедиций ученого в Карелию и Мурманскую область, благо в нашем распоряжении имеются архивные материалы (полевые дневники, отчеты, описи найденных рукописей, письма, фотоматериалы); некоторые из них ранее не были известны.

Поисками рукописей Л. А. Дмитриев занимался в ранний период своего научного пути; для экспедиций была выбрана территория Карелии и Кольского полуострова. В 1948–1960 гг. состоялось пять экспедиций Л. А. Дмитриева: две из них в Заонежье (1948, 1949) и три в Поморье — от Поморского до Терского берегов Белого моря (1950, 1959, 1960)³. Все рукописи, найденные Л. А. Дмитриевым, хранятся сейчас в Карельском собрании Древлехранилища Пушкинского Дома: из 600 единиц хранения этого собрания около ста было приобретено им.

Первая экспедиция Л. А. Дмитриева состоялась летом 1948 г., когда молодой археограф был студентом 3-го курса филологического факультета Ленинградского государственного университета. Об этой экспедиции мы имеем сейчас исчерпывающие сведения благодаря сохранившимся полевым дневникам, отчету и фотоматериалам [Пигин 2023]. В поездку Л. А. Дмитриев отправился вместе со своим однокурсником и близким другом Е. А. Майминым (1921–1997), ставшим в последующие годы крупным специалистом по русской литературе XIX в. Вдохновил на эту поездку молодых ученых проф. М. О. Скрипиль, семинар которого по древнерусской литературе в университете они посещали. Место поисков — Заонежье — было выбрано по совету В. И. Малышева, который не раз ездил в Карелию с археографическими целями. В экспедицию Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина направлял петрозаводский Институт истории, языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР (ИИЯЛ); здесь уже имелось в это время достаточно крупное собрание рукописных и старопечатных книг. По договоренности с ИИЯЛ все найденные в ходе экспедиции старинные книги должны были поступить в это собрание. Большую помощь ученым оказал К. В. Чистов, незадолго до этого, в 1947 г., возглавивший сектор литературы ИИЯЛ.

---

³ В одной из поздних публикаций Л. А. Дмитриев написал, что до их совместных с А. И. Копаневым экспедиций 1959 и 1960 гг. он «четыре раза ездил на поиски рукописей в Заонежье, Кемский и Беломорский районы Карелии» [Дмитриев 1992, с. 91]. Между тем в более ранних своих статьях исследователь сообщал только о трех экспедициях: 1948 и 1949 гг. — в Заонежье [Дмитриев 1972, с. 333] и 1950 г. — в Кемский и Беломорский районы [Дмитриев, Копанев 1961, с. 531]. Ни о какой «четвертой» экспедиции нет сведений и в архивных источниках. Предположить, что в столь отдаленные районы мог быть совершен кратковременный выезд, который не принес результатов и потому не был нигде упомянут, довольно сложно. По всей видимости, в публикацию 1992 г. закралась ошибка.

Илл. 1. Л. А. Дмитриев в Петрозаводске перед поездкой в Заонежье, 1948 г.
ИРЛИ. Карельское собр. № 606. Л. 2

Экспедиция состоялась в июле и длилась чуть меньше трех недель. За это время Л. А. Дмитриев и Е. А. Маймин обследовали около 50 деревень Заонежского полуострова (Великая Губа, Космозеро, Великая Нива, Фоймогуба, Толвуя, Падмозеро, Кузаранда и менее крупные поселения рядом с ними), всего было найдено 14 книг: 10 рукописных и 4 старопечатных.

Е. А. Маймин позднее вспоминал об этой поездке так: «Первозданная красота природы Заонежья, памятники старины, бедные, но крепкие люди-староверы, их особенная и высокая культура, их двухэтажные крепко сколоченные избы, их незабываемые бани, самовары, разного рода самодельная утварь — все это помнится и никогда не забудется. (...) мы сами — совсем не ученые, а просто студенты, одетые в поношенные шинели, без карт и не очень знающие, что и как искать, но полные интереса и жажды найти, голодные и неунывающие. (...) Мы привезли из экспедиции множество рукописей и первопечатных книг. К этим рукописям и книгам Лев Александрович относился с большой серьезностью. Рукописи и книги интересовали его не только внешним образом, но и внутренне, глубоко. В нем уже тогда готовился и был замечен серьезный любитель и знаток старинной русской книги» [Маймин, с. 57].

В экспедиционных материалах (дневниках Л. А. Дмитриева и Е. И. Маймина и отчете) большой интерес представляют «портреты» знатока фольклорной традиции П. Г. Горшкова, владельцев рукописей И. М. Абрамова и М. Ф. Котова, заметки бытового характера, дающие яркое представление о повседневной жизни заонежан в послевоенные годы. Л. А. Дмитриев старался запечатлеть все увиденное и на фотографиях: фотоальбом этой экспедиции, включающий 41 снимок, а также диапозитивы хранятся в настоящее время в Карельском собрании ИРЛИ (№ 606). На них и местные жители, и храмы, и предметы крестьянского быта, и пейзажи, и сами участники экспедиции. Особую ценность имеют фотографии с изображением семейства И. М. Абрамова — известного заонежского иконописца и художника [Петтерссон].

*Ил. 2. И. М. Абрамов с семейством, д. Космозеро, 1948 г.
Карельское собр. № 606. Л. 13*

Летом 1949 г. Л. А. Дмитриев вновь отправился в Заонежье, в археографическую экспедицию, о которой известно гораздо меньше. На этот раз он ездил один и приобрел 20 рукописных и печатных книг и отдельных листов, которые поступили в собрание ИИЯЛ. В Научном архиве Карельского научного центра РАН сохранилась «докладная записка» Л. А. Дмитриева на имя заместителя директора ИИЯЛ Е. С. Гардина с просьбой разрешить ему

продолжить археографическое обследование Заонежья — «той части района, которая не была захвачена прошлой экспедицией»⁴. Л. А. Дмитриев побывал примерно в ста деревнях Типиницкого, Паяницкого и Деригузовского сельсоветов. Весьма вероятно, что он посетил также Косозеро, как и планировал после поездки 1948 г., чтобы опять встретиться с И. М. Абрамовым: одна приобретенная в 1949 г. рукопись происходит из его библиотеки (Карел. собр. № 27). Экспедиция вновь предпринималась «по рекомендации» М. О. Скрипиля. Как и годом ранее, ученый занимался фотосъемкой; некоторые фотографии 1949 г. находятся сейчас в Древлехранилище (Карел. собр. № 613)⁵. Л. А. Дмитриев посылал фотографии запечатленным на них заонежанам (Ф. В. Кирикову из Типиниц и др.) и получал в ответ благодарственные письма⁶.

Материалы заонежских экспедиций 1948 и 1949 гг. были использованы Л. А. Дмитриевым в двух публикациях⁷. В первой из них, написанной в форме отчета по живым впечатлениям, перечислены обследованные районы Заонежья, охарактеризованы некоторые владельцы книг (И. М. Абрамов и М. Ф. Котов), кратко представлены наиболее интересные рукописи [Дмитриев 1951]. Вторая статья была приурочена к 60-летию В. И. Малышева и вошла в состав первого «малышевского сборника», изданного спустя почти четверть века после экспедиций [Дмитриев 1972]. В это время Л. А. Дмитриев, как опытный ученый, уже имел возможность посмотреть на заонежскую книжность более широко — в свете приоритетной для малышевской археографической школы проблемы региональных книжно-рукописных традиций. На материале рукописей, собранных в Заонежье в начале XX в. В. И. Срезневским, и собственных находок Л. А. Дмитриев попытался определить специфические черты местной книжности. Среди наиболее важных он назвал влияние старообрядческого Выга и большое число, наряду

⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 30. Л. 1 (Отчеты, докладные записки по экспедициям ИИЯЛ за 1949 г.). Разыскать отчет этой экспедиции пока не удалось.

⁵ Папка включает фотографии экспедиций 1949 и 1959 гг.

⁶ Письма сохранились в домашнем архиве Н. Л. Дмитриевой. Так, Ф. В. Кириков писал Л. А. Дмитриеву: «Спешу уведомить, что письмо ваше и высланое фото мы получили, за что вас, Львов Алек(сандровичей), очень благодарим, что вы такие большие трудности уложили, и очень вышли съемки хороши, и нам очень пондравались. И не знаем, чем мы тебя благодарить за эти услуги и такое интересное фото, Лева, что закачаеся, вышла замечательная память» (письмо от 19 октября 1949 г.).

⁷ О заонежских экспедициях 1948 и 1949 гг. Л. А. Дмитриев сделал также доклад на научной конференции в Петрозаводске, посвященной народной культуре Заонежья (7–11 июля 1964 г.), — об этом известно из его писем к В. И. Малышеву (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433 (письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву). Л. 52–54).

с богослужебными книгами, сборников литературного содержания, включающих жития святых, историко-героические и сказочно-повествовательные произведения, а также местные сочинения.

Кроме тех примечательных рукописей и произведений, которые выделил из общего ряда Л. А. Дмитриев, можно отметить еще некоторые. Рукописный Катехизис конца XVIII в. происходит из библиотеки Выго-Лексинского общежительства, о чем сообщает полистная скорописная запись XIX в.: «Даниловской библиотеки, находящейся в Соборной бывшей раскольнической часовни» (Карел. собр. № 224. Л. 4 и далее). После закрытия общежительства в середине XIX в. рукопись, вероятно, оставалась в Даниловской часовне, обращенной в приходской храм господствующей церкви, — по этой причине она не вошла в описание той части выговской библиотеки, которая была вывезена в Петрозаводск [Барсов]⁸. Впоследствии рукопись попала к местным жителям и была приобретена Л. А. Дмитриевым. Культурное влияние на Заонежье оказывали и другие старообрядческие согласия. Л. А. Дмитриев цитирует В. И. Срезневского, которому довелось встречаться в Заонежье со старообрядцами-скрытниками (странниками, бегунами) и читать книги их письма [Дмитриев 1972, с. 333]. По-видимому, страннической по происхождению является Беседа инока Захарии с учеником Евфимием об антихристе [Пигин 2015] в составе сборника, найденного Л. А. Дмитриевым в 1949 г. (Карел. собр. № 72. Л. 65 и далее). Подобные тексты могли попадать в Заонежье из Каргополья, которое в XIX—XX вв. являлось самым крупным на Севере центром странничества. В обеих статьях о заонежской книжности Л. А. Дмитриев особо отмечал небольшой сборник начала XX в., найденный им в Фоймогубе и содержащий, помимо молитвенных текстов, стихи духовного и светского содержания (среди них «Ангел» М. Ю. Лермонтова) (Карел. собр. № 91). Одно входящее в состав этого сборника стихотворение представляет собой поэтическое переложение древнерусской патериковой Повести о бесе Зерефере [Пигин 2013] и в других списках пока не обнаружено. Остатками некогда богатой библиотеки иконописцев Абрамовых являются два рукописных сборника (Карел. собр. № 27, 322), ярко характеризующих литературные интересы заонежских крестьян (сборники включают Скитское покаяние, Слово Ипполита папы римского о скончании мира, Слово Палладия мниха о Страшном суде, Слово о делах Бога и дьявола, приписываемое Иоанну Златоусту, Поучение «о злой лаи матерной», Повесть о 12 снах царя Мамера и др.).

---

⁸ Об истории этого собрания см.: [Юхименко, т. 1, с. 67–113; т. 2, с. 364–421].

Зимой 1950 г., опять один, Л. А. Дмитриев отправился в экспедицию в Поморье — в Беломорск, Кемь и Шуерецкое. В НА КарНЦ РАН сохранились его отчет об этой поездке (см. Приложение) и список приобретенных двадцати книг — все они также поступили в петрозаводский институт. Поморский берег в археографическом отношении был основательно обследован до войны В. И. Малышевым, который за две поездки собрал здесь 326 рукописей. По этой причине значительных находок ожидать не приходилось. К тому же в годы войны жители Беломорска и Кеми были эвакуированы, в их дома вселились военные, которые уничтожали или выбрасывали книги на улицу. «Несколько человек рассказывало мне, — писал Л. А. Дмитриев в отчете, — что во время войны на Ковжино и на Сорокском острове валялись по улицам и дворам домов листки из рукописных книг и целые книги». Тем не менее собрание ИИЯЛ обогатилось в результате этой поездки списками житий Трифона Печенгского (Карел. собр. № 25), Артемия Веркольского (№ 126), Василия Нового (№ 100), выговских сочинений «О плаче сего времени», «Слово обличительное о последних временах» (№ 29) [Маркелов, с. 49 (№ 74), 100 (№ 206)] и др. Вероятно, от одного владельца были получены три небольшие рукописи без переплетов с однотипной владельческой записью солдата архангелогородского гарнизона Ивана Щекина (№ 25, 126, 206). Интересны также многочисленные записи на свободных листах сборника, включающего преимущественно разные молитвы (№ 77): в конце XVIII в. рукопись использовалась, по сути, как хозяйственная книга для ведения расчетов между Онегским соляным магазином и соляными варницами в Нименьге.

В 1959 и 1960 гг., когда были организованы еще две экспедиции в Поморье с участием Л. А. Дмитриева, собрание рукописей ИИЯЛ находилось уже в Пушкинском Доме, где стало именоваться Карельским. Поморские экспедиции 1959 и 1960 гг. проводились Пушкинским Домом совместно с БАН; от Пушкинского Дома ездил Л. А. Дмитриев (он работал здесь с 1953 г.), от БАН — А. И. Копанев. В «Трудах Отдела древнерусской литературы» В. И. Малышев вел раздел «По рукописным собраниям», где публиковались отчеты археографических экспедиций ИРЛИ. Отчеты Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева были изданы в 17 и 18-м томах «Трудов» — они дают достаточно полную информацию о поездках [Дмитриев, Копанев 1961; 1962].

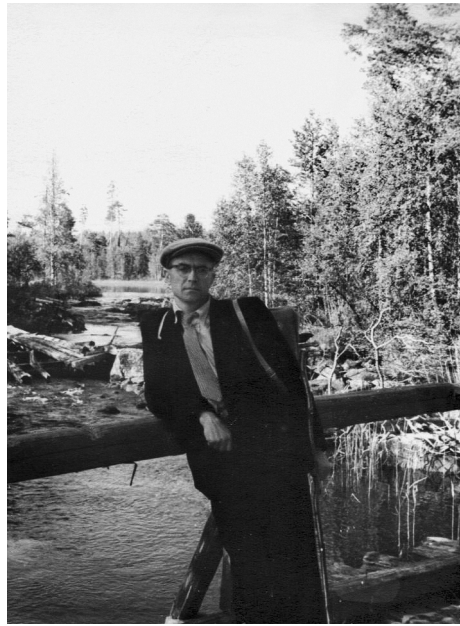
Интересные подробности, дополняющие эти отчеты, содержатся в письмах Л. А. Дмитриева, которые он написал своему наставнику в области археологии В. И. Малышеву во время этих экспедиций.

Поездка 1959 г. в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карелии была весьма успешной: всего удалось приобрести 69 рукописей и 39 старопе-

чатных книг. Рукописи между ИРЛИ и БАН были поделены поровну (35 поступили в Карельское собрание ИРЛИ; 34 — в собрание Текущих поступлений БАН), но все старопечатные книги стали достоянием БАН [Дмитриев, Копанев 1961, с. 535—536]. Как свидетельствует письмо Л. А. Дмитриева, написанное во время этой поездки В. И. Малышеву, собрание старопечатных книг стало предметом разногласий между участниками экспедиции. «Копанев, — писал Л. А. Дмитриев В. И. Малышеву, — собрал целую массу старопечатных (книг. — А. П.).

Из-за этого у меня с ним ссоры были: я считаю, что это только лишний груз. Самые ранние — не позже первой половины 17 века, а поздние — конца XVIII в. Но убедить его не набирать этих книг так и не смог. Правда, я сразу же от них отказался, сказав, что пусть они все пойдут в БАН» (письмо от 24 июня 1959 г., см. Приложение). В Древлехранилище ИРЛИ имелось небольшое собрание старопечатных книг (разряд IV, оп. 36), однако их приобретение не было приоритетной задачей археографов ИРЛИ. Среди ленинградских специалистов по старинной книге, кто занимался целенаправленным поиском кириллических изданий, включая старообрядческие, должны быть в первую очередь названы А. Х. Горфункель и А. И. Копанев. Вполне очевидно, что раздел о старопечатных книгах в совместном отчете об экспедиции 1959 г. Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева был написан последним. Как будто полемизируя со своим коллегой, А. И. Копанев писал здесь: «Напав на значительное количество древних рукописей, находящихся до сих пор в крестьянских домах Керети, мы решили брать и все старопечатные книги, которые нам удастся обнаружить, для того чтобы представить с большей ясностью всю ту книжность, которая была в обращении населения поморского села в XVI, XVII и XVIII вв. (...) Эти книги (...) дают материал для решения таких специальных книговедческих и библиотковедческих вопросов, как распространение книги в XVI—XVII вв., пути продвижения книги, места хранения

Ил. 3. Л. А. Дмитриев в экспедиции 1959 г.
Карельское собр. № 613

целенаправленным поиском кириллических изданий, включая старообрядческие, должны быть в первую очередь названы А. Х. Горфункель и А. И. Копанев. Вполне очевидно, что раздел о старопечатных книгах в совместном отчете об экспедиции 1959 г. Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева был написан последним. Как будто полемизируя со своим коллегой, А. И. Копанев писал здесь: «Напав на значительное количество древних рукописей, находящихся до сих пор в крестьянских домах Керети, мы решили брать и все старопечатные книги, которые нам удастся обнаружить, для того чтобы представить с большей ясностью всю ту книжность, которая была в обращении населения поморского села в XVI, XVII и XVIII вв. (...) Эти книги (...) дают материал для решения таких специальных книговедческих и библиотковедческих вопросов, как распространение книги в XVI—XVII вв., пути продвижения книги, места хранения

книги, отношение населения к книге и т. д. (...) Поэтому хотя приобретенные нами книги и имеются в фондах больших библиотек, однако положение их в ряду вообще русских книг, мастерство печати и их оформление вполне оправдывают покупку этих книг» [Дмитриев, Копанев 1961, с. 536–537]. Трудно не признать правоту А. И. Копанева.

Согласно воспоминаниям Л. А. Дмитриева об экспедициях 1959 и 1960 гг., А. И. Копаневу принадлежала еще одна важная инициатива: в тех случаях, когда книги принимались в дар, ученые просили дарителей сделать об этом запись на книгах. «Дарителям делать такие записи было очень приятно. По возвращении в Ленинград мы послали всем дарителям официальные письма от имени Пушкинского Дома и БАН с благодарственным текстом. Когда мы в 1960 г. посещали те дома, где уже бывали в прошлом году, то иногда видели эти благодарственные письма на бланках БАН и Пушкинского Дома висящими под стеклом на стене» [Дмитриев 1992, с. 92].

Скептическое отношение Л. А. Дмитриева к собиранию печатных книг с лихвой компенсировалось его интересом к фольклору. Во всех экспедициях, насколько это позволяло ему не отвлекаться от основной — археографической — задачи, исследователь фиксировал наиболее интересные явления устной традиции и самобытного творчества местных жителей. В 1948 г. в Великой Губе от библиотекаря Ольги Собакиной Л. А. Дмитриев и Е. А. Маймин получили записи частушек, в деревне Загорье записали стихи Ивана Антиповича Якушева о колхозной жизни. В 1950 г. в дер. Шуерецкое под Беломорском Л. А. Дмитриев записал духовные стихи и былины в исполнении Федора Андреевича Федосеева, в 1959 г. в Керети — предания о святом Варлааме Керетском. К сожалению, местонахождение этих фольклорных записей неизвестно.

Экспедиция 1960 г. позволила Л. А. Дмитриеву убедиться на собственном опыте, что остатки книжной старины можно встретить на Севере только в тех местах, где ранее проживали старообрядцы. Так, в письме от 21 июня 1960 г., написанном в деревне Кузомень на Терском берегу, Л. А. Дмитриев жаловался В. И. Малышеву: «Что-то в этом году нам совершенно не везет. Забрались Бог знает куда, с большим трудом, никак не можем выбраться отсюда. И самое обидное и самое главное: нет, нет ничего, да и не было тут никогда рукописей. Единственное утешение: уж после нас не надо будет больше ездить на Терский берег за рукописями. В этих местах старообрядцев не было, и, по-видимому, этим все и объясняется» (см. Приложение). Действительно, население Терского берега находилось в XVII–XVIII вв. в зоне религиозного и культурного влияния официального православия: московских монастырей (Троице-Сергиева, Новоспасского), Крестного

Онежского монастыря, Понойского прихода, Патриаршего дома [Дмитриев, Копанев 1962, с. 412–413]. Заметим попутно, что фольклорная традиция Терского берега была как раз очень богатой, о чем свидетельствуют, в частности, экспедиционные материалы Д. М. Балашова. Однако между книжно-рукописной и фольклорной традициями в том или ином регионе нет прямой зависимости.

Благодаря экспедициям 1959 и 1960 гг. Карельское собрание пополнилось 52 рукописями XVI–XX вв., содержащими интересный литературный материал (жития свв. Зосимы и Савватия Соловецких, Никиты Переславского, Александра Ошевенского; Повесть об Азовском осадном сидении; Хождение Трифона Коробейникова; разнообразные апокрифы, большое число старообрядческих, в том числе выговских, сочинений и т. д.).

После 1960 г. в археографические экспедиции Л. А. Дмитриев не ездил. Полученные в Поморье и Заонежье знания и впечатления очень пригодились ему позднее в научной работе. Литературе Русского Севера посвящена монография Л. А. Дмитриева «Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.» [Дмитриев 1973], которая легла в основу его докторской диссертации. В одной из глав этой книги Л. А. Дмитриев исследовал рукописную традицию Жития Варлаама Керетского, устные предания о котором услышал когда-то на Белом море. В разделе о Житии Артемия Веркольского он использовал список данного памятника, привезенный им из экспедиции 1950 г. (Карел. собр. № 126). Л. А. Дмитриеву принадлежат интересные наблюдения и о житиях севернорусских подвижников, входящих в Собор карельских святых, — Александра Свирского и Александра Ошевенского. Причем, в отличие от многих других исследователей русской агиографии, Л. А. Дмитриев не ограничивался решением источниковедческих и текстологических задач, его всегда интересовали художественная природа житийных памятников, присутствие в них устно-поэтических традиций [Демкова].

Культура Русского Севера, живое знакомство с которой состоялось во время заонежских и поморских экспедиций, оказала важное влияние на становление Л. А. Дмитриева как ученого, на долгие годы определила круг его научных интересов.

В Приложении к статье публикуем несколько архивных документов: отчет Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина о заонежской экспедиции 1948 г., отчет Л. А. Дмитриева о поморской экспедиции 1950 г. и два письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву, написанные во время поморских экспедиций 1959 и 1960 гг. В угловые скобки заключены отсутствующие в рукописях слова и буквы, предложенные издателем названия документов; многоточием в угловых скобках отмечены пропуски текста.

**Отчет экспедиции Института <истории>, языка и литературы
Карело-Финской Базы Акад(емии) наук СССР
по собиранию старинных рукописей и старопечатных книг¹**

16 июля 1948 г. экспедиция в составе 2-х человек, студентов Ленинградского университета Дмитриева Льва Александровича и Маймина Евгения Александровича, выехала из г. Петрозаводска в район Великой Губы. Вся предварительная подготовка в той ее части, которая непосредственно касалась Института <истории>, языка и литературы, была проведена исключительно быстро, без лишних задержек и формальной волокиты. Были даны необходимые указания и ориентировочно составлен план экспедиции. К сожалению, из-за досадной ошибки не была вовремя изготовлена карта района, что до некоторой степени затруднило работу.

Практический метод разыскания рукописей был заранее подсказан проф. Скрипилем², Малышевым и Чистовым³ и заключался в планомерном обходе каждой деревни, каждого дома. Однако малочисленность экспедиции при достаточной обширности района обследования и, главным образом, специфика местных условий заставила участников несколько видоизменить предлагаемый метод.

Избиралось место, где по тем или иным путем полученным сведениям предполагались «книжные люди», делалась остановка, тщательно обследовалась соответствующая деревня, а затем уже и деревни вокруг нее. Хранители рукописей обычно знали друг друга, и от них получались самые верные адреса. Эти адреса в значительной мере и определяли направление разысканий. Подобный метод обеспечивал наибольшую продуктивность работы, а одновременное обследование окрест лежащих сел делало ее в достаточной степени и всеобъемлющей. Впоследствии, когда «адресов» стало меньше, местом остановки избиралась деревня, в которой находился сельсовет. Это значительно экономило время, затрачиваемое на техническое оформление всякого рода документов, и заодно обеспечивало некоторые бытовые удобства (квартиры, хлеб).

Таким образом, были обследованы:

Село Великая Губа — районный центр, дер. Верховье;

Деревни Космозерского с(ель)с(овета): Космозеро, Демидово, Артово, Терехово, Пургино, Мягкая Сельга, Комлево и др(угие).

Деревни Великоновского с(ель)с(овета): Великая Нива, Якорь-Ледина, Пороги, Крохино, Палтега, Севрозеро, Мироньково, Бесовы.

Деревни Фоймогубинского с(ель)с(вета): Шильтя, Спировка, Патрово, Фоймогуба.

Деревни Толвуйского с(ель)с(вета): Белохино, Русино, Пустоши и др(угие) деревни на юг и юго-запад от Толвуя.

И последними были обследованы значительная часть деревень⁴ Кузарандского сельсовета.

Всего было куплено 14 книг: 10 рукописных и 4 старопечатных⁵. По содержанию книги духовные. Наиболее интересные из них: сборник — «Скитское покаяние» и др(угие), приibl(изительно) XIX в.; Евангелие от Матвея с толкованиями, предположительно XVI в.; Евангелие, писанное уставом XVI в.; Чудеса богородицы XVIII—XIX в.; сборник церковный XIX в. — «Жития Сав(в)атия и Зосимы» и др(угие); сказание св. Епифания 1597 г., печатная⁶; Требник печатный XVI в.

Из хранителей рукописей следует особо отметить Абрамова Ивана Михеевича⁷ и Котова Михайло Федоровича. Первый — слепой старик 80 лет, иконописец, знал Срезневского⁸ (подробнее см. дневник⁹), имеет много книг, которые обещает показать, когда вернется его внук. Котов — старообрядец-начетчик, строго верующий, девственник; к книгам относится ревнительно, редко кому показывает, тем более не допускает к ним. Очень возможно, что имеет рукописи, представляющие значительный интерес. Остальные владельцы или менее рельефны, или оказались ими случайно.

Общая продолжительность экспедиции — 18 дней.

В течение всего этого времени участниками проводилась разъяснительная работа среди населения, особенно среди молодежи, о необходимости сохранения и собирания старинных книг и рукописей.

Одновременно бралось на заметку все, что представляет интерес для фольклориста, а при случае делались и соответствующие записи материала.

Дополнительные замечания:

1. Все замечания делаются из практического опыта участников и никак не могут восприниматься¹⁰ как что-то навязанное и обязательное.

2. Совершенно необходимо обеспечивать экспедицию картой обследуемого района.

3. Предпочтительнее посылать экспедиции в те районы, которые во время оккупации не подвергались со стороны финнов насильственной эвакуации. Опыт показал, что там, где финны эвакуировали местное население, рукописей почти вовсе не сохранилось.

В Заонежском районе по тем или иным причинам остались неиспользованными следующие адреса:

а. В дер. Йогрогксы¹¹, в 12 км от Великой Губы, у 2-х старушек.

б. Дер. Пустоши Толвуйского с(ель)с(вета), в доме Проказовых, живет старуха Серафима, бывшая скрытница; по словам населения, имеет много книг; в настоящее время выехала в Петрозаводск, но должна скоро вернуться.

в. В дер. Лебешино Загубского с(ель)с(вета) Тимошин Алексей Тимофеевич, имеет одну рукописную книгу, по словам его племянника-инженера, весьма древнюю.

г. В дер. Нюнция¹² Беломорского р(айо)на жил и, возможно, живет еще старик-старообрядец по имени Василий¹³, с молодости писавший сам книги.

5. Следует съездить еще раз к Абрамову, который наряду с книгами имеет много старинных вещей¹⁴; у его жены сохранились старинные вышивки. Не лишнее было бы заехать еще раз к Котову.

6. Дальнейшее обследование Заонежского р(айо)на мыслится весьма желательным, особенно вглубь и на север до Медвеж(ь)ей Горы. Организовать ее следует возможно быстрее, ибо ценные книги и рукописи сжигаются, а то, что они по преимуществу духовного содержания и написаны на непонятном (для молодежи особенно) языке, только ускоряет этот процесс.

Л. Дмитриев, Е. Маймин

Отчет об археографической экспедиции в города Кемь и Беломорск в период 17 ноября — 4 декабря 1950 г. Дмитриева Л. А.¹⁵

До войны Кемский и Беломорский районы были обследованы В. И. Малышевым¹⁶. Археографическая экспедиция В. И. Малышева дала положительные результаты: было найдено большое количество древнерусских рукописных памятников, но сами города Кемь и Беломорск остались необследованными. Целью моей археографической экспедиции было проверить в археографическом отношении города Кемь и Беломорск.

В Кемь по адресам, данным мне В. И. Малышевым, и по полученным мною во время поисков книг в городе, я посетил оставшихся в живых староверов или же семьи, родители и деды которых были староверами.

Было обнаружено очень немного служебных церковных книг. Судя по рассказам местных жителей, основными владельцами старинных книг в Кемь были купцы. Так, например, большая и богатая библиотека была у купцов Ремягиных. Во время раскулачивания и конфискации имущества отбирались и книги. В основном все старые книги складывались из местных

церквей и из частных собраний в Успенский собор. Все книги из Успенского собора, как удалось выяснить в городском совете, были взяты в Москву.

В настоящее время хранителей старинных книг или начетчиков в Кеми нет. До войны жила в деревне Мегрега старуха Соломания, пользо(ва)вшаяся большим почетом у всех местных староверов. Очевидно, книг у нее было много, но куда всё попало после ее смерти, никому не известно.

Перечень некоторых жителей Кеми, к которым я ходил за рукописями:

Лежев Василий Михеевич — осталось несколько рукописных книг позднего письма, все церковные.

Миринова Ольга Васильевна — остались книги от матери, но большую часть их она раздала, остатки книг — церковные, интересных нет.

Анастасия Михеевна (бывшая прислуга купцов Ремягиных) — книг нет; по ее словам, у Ремягиных книг было очень много, все они были конфискованы.

Пойгина Александра Михайловна, умерла, книги были, но у родственников ничего не осталось.

Семенов Иван Михеевич — оставалось немного книг от бабки, но не так давно все выброшены (до этого валялись на чердаке). Судя по описанию внешнего вида, одна книга была большая, писанная уставом, с цветными миниатюрами.

По словам большинства местных жителей, книги могут быть в районе в деревнях Летняя Речка, Пангома¹⁷, Гридино, Кавголоша¹⁸, Шуерецкое.

По пути из Кеми в Беломорск я заехал в село Шуерецкое. В течение одного дня (24.XI.50 г.) были проверены в основном все те дома, в которых живут старики, старухи и семьи бывших старообрядцев. Это удалось сделать благодаря тому, что по домам ходил с местным стариком-старовером Федосеевым Федором Андреевичем. По словам всех местных жителей, книг в деревне всегда было очень много, но в основном все они погибли во время войны, в последние годы. Много книг имеется у местной крестьянки Акулины Кузьмовны; в настоящее время (за несколько дней до моего приезда) она уехала из Шуерецкого, и дом ее забит.

В Шуерецкой были найдены две книги позднего поморского устава — сборники различного содержания. Ни продать, ни отдать, ни променять на другие книги этих книг не¹⁹ согласились. Содержание одной из них — жития, Скитское покаяние, отрывки из патериков и Прологов; другой — церковные тексты, отрывки из патериков, отрывок из книги Иосифа Волоцкого от слова 7-го, послание инока Авраамия и некоторые староверческие тексты.

У Федосеева Федора Андреевича была Псалтирь, представляющая интерес в том отношении, что приблизительно известен ее переписчик:

лет 70—80 тому назад ее делал инок Макарий, живший в скиту недалеко от Шуерецкой (Федосеев знал его с детства лично). Псалтирь писана обычным поморским уставом. Приобрести книгу не удалось — владелец не согласился ни продать, ни отдать ее.

Федор Андреевич Федосеев знает несколько духовных стихов, былин. Некоторые из них мне удалось от него записать. Поет он с охотой; очевидно знает больше того, что напел мне, но не сразу и с трудом вспоминает.

Пребывание в Беломорске дало приблизительно такие же результаты, что и в Кеми. Основными местами, в которых жили старообрядцы и где было много книг, — районы города Сорокский остров и Ковжино. Как в Кеми, так и в Беломорске очень много старинных книг погибло в годы войны. По рассказам тех стариков и старух, у которых я был, и особенно по рассказам Комбалиной Таисии Ивановны, местной вершительницы старообрядческих обычаев, совершенно очевидно, что в Беломорске было очень много рукописных старинных книг. Особенно большая библиотека была у Анастасии Ивановны Дементьевой, жившей на Ковжине и умершей в эвакуации во время войны. По словам Комбалиной, очень хорошо знавшей Дементьеву, в доме последней было несколько шкафов со старинными книгами различного содержания: церковно-служебные, Прологи, минеи, жития и, очевидно, сборники исторического и литературного содержания. По словам Комбалиной, были книги, писанные уставом на коже, т. е. на пергамене, были лицевые рукописи; Комбалина уверяет, что была пергаменная лицевая книга. Во время войны в доме Дементьевой жили различные жильцы, после войны новым владельцем дом перестраивался, и все собрание погибло.

Основная масса рукописных книг погибла в годы войны: население было эвакуировано из Беломорска, и в их дома вселились военные, эвакуированные из Петрозаводска, и книги или уничтожались, или выбрасывались на улицу. Несколько человек рассказывало мне, что во время войны на Ковжино и на Сорокском острове валялись по улицам и дворам домов листки из рукописных книг и целые книги.

Из Беломорска был сделан выезд в село Сумский Посад. И в Сумпосаде такая же картина, как и в Беломорске, но все же кое-где книги сохранились. Наиболее интересные книги из всего собрания этого года были приобретены именно в Сумпосаде у двух старух Евтюковых (однофамильцы). Наиболее интересной была встреча с Евтюковой Соломанией Степановной (старуха 90 лет). Она говорит, что еще до революции к ней часто приезжал из Петрограда Федор Антонович Каликин²⁰, который занимался собиранием рукописных книг в Беломорском районе и обычно останавливался у нее. Очевидно, С. С. Евтюкова собирала и подыскивала для него книги, т(ак) к(ак) он

находился с ней в постоянной переписке. Евтюкова прекрасно знает староверов не только в Сумпосаде, но и в других деревнях этого района. Евтюкова обещала, если ей позволит здоровье, разузнать о том, где и у кого есть старинные книги, и, если будет возможность приобрести их, сообщит мне об этом. Опыт поездки в Сумпосад показывает, что в деревнях Беломорского и Кемского районов есть больше возможностей найти что-либо интересное, чем в Беломорске и в Кеми. Очевидно, в связи с изменениями и переездами жителей во время войны часть книг от старых владельцев перешла к новым, и из одних мест книги перешли в другие. Кроме этого, некоторые жители, которые при исследовании этих мест В. И. Малышевым с(к)рывали книги, сейчас умерли, и их родственники (если книги сохранились) продают их. Все это говорит, как мне кажется, о целесообразности более тщательного исследования деревень Кемского и Беломорского районов.

Заведующий отделом пропаганды и агитации Беломорского райкома партии тов. Назаров А. Н. и Евтюкова Соломания Степановна обещали сообщить мне о том, имеются ли где-нибудь книги или нет (Назаров умеет читать древнерусские рукописи и обещал²¹ интересоваться этим вопросом во время командировок по району). Если будут положительные сообщения от этих лиц, то вполне целесообразно организовать повторную поездку в эти районы летом (19)51 года.

Одновременно с основной работой по собиранию рукописей в городах Кеми и Беломорске мною были прочитаны лекции о «Слове о полку Игореве». К отчету прилагается охранный опись приобретенных рукописей.

Л. Дмитриев

6.XII.50 г.

⟨Письма Л. А. Дмитриева В. И. Малышеву⟩

⟨Письмо от 24 июня 1959 г.⟩²²

Здравствуйте, дорогой Владимир Иванович!

Все собираюсь написать Вам, да никак не выбрать времени: мотаемся с утра до поздней ночи. Сейчас полшестого утра, сидим на ст(анции) «Узкий», куда пришли из села Черная Речка, это севернее Чупы, около самого полярного круга. Когда были в Керети, то слышали, что здесь могут быть рукописи, и поэтому после Керети решили заехать сюда. Так как это очень маленький разъезд, то добираться сюда пришлось на товарняке и даже с него соскаки-

вать на ходу. Но все благополучно. Добрались сюда вчера часов около шести вечера. Договорились о ночлеге и сразу же пошли по деревне. Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ определенных адресов не было, то решили обойти все дома. К сожалению, самого главного книжника не оказалось на месте: один старик; говорят, что верующий и имеет много книг. Он уехал в Кереть. В Керети мы его, между прочим, видали и говорили с ним. Он сказал, что у него книг нет и в Черной Речке книг тоже ни у кого нет. Так что, если бы мы его и застали, то вряд ли удалось бы у него что-либо выманить. Многие дома были закрыты: уехали в море на тони, но ждать нет смысла, так как уехали накануне и вернулись бы не ранее субботы — понедельника. Несмотря на все эти неудачи, немного книг все же нашли — 8 штук. За исключением одной, все поздние, служебные, неинтересные и очень трепаные.

Однако есть и одна неплохая — старообрядческий сборничек в хорошем состоянии: «Алфавит духовный», «О житии Андрея Юродивого», «Слово, еже всяк возревый на жену согрешает», «О скверном блужении злом», «Слово Кирилла о двадесяти мытарствы», «Слово Петра некоего о супротивии всяцем», «Слово Ефрема Сирина о антихристе», «Повесть от Старчества», «Повесть зело полезна некоего старца о царе Феодосии», «Похвала девственником», «Повесть о старце Павле Торомском», «Сказание о страдании и терпении священномученика Павла, епископа Коломенского», «О игумене Досифее новгородския области и о соборе отец соловецких» и целый ряд других²³.

Если Руфина Петровна²⁴ показывала Вам мое вчерашнее письмо, то Вы уже знаете, что в Керети мы приобрели довольно много. Рукописей больше 20, а если считать за отдельные единицы, то и за 30 перевалит. По содержанию, по-моему, особо интересных нет, но зато порядочно старых списков.

Копанев собрал целую массу старопечатных. Из-за этого у меня с ним ссоры были: я считаю, что это только лишний груз. Самые ранние — не позже первой половины 17 века, а поздние — конца XVIII в. Но убедить его не набирать этих книг так и не смог. Правда, я сразу же от них отказался, сказав, что пусть они все пойдут в БАН. Набралось у нас книг столько, что пришлось отправлять их малой скоростью в ящиках — ящики достали на торговом складе. Два больших с книгами послали на БАН, а рукописи — на ИРЛИ. Все пришлось делать так спешно, что я, по правде говоря, некоторые рукописи даже не раскрывал.

Успела ли дойти до отчета моя телеграмма из Керети²⁵ и огласили ли Вы ее на отчете?

Сейчас поедет в Боярскую — это между Лоухи и Кемью, слышали вчера здесь, в Черной Речке, что там м⟨огут⟩ б⟨ыть⟩ рукописи. Оттуда в Кемь, из

Кеми попытаюсь добраться до Гридино — из Керети туда никакого транспорта не было.

Видно все же, что в Карелии можно еще порядочно насобирать рукописей, и надо с этого года начать сюда ежегодные поездки. Надеюсь, что мне удастся это делать и Вы будете способствовать мне в этом, и уж пусть эти идеи так пока за мной и останутся.

Не знаю только, как мы будем теперь делить все рукописи с БАН. Пока мы ничего не делим и оставляем эту процедуру до Ленинграда. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы могли дожидаться моего возвращения, и мы бы решили этот вопрос. Платим не более 5 руб. за ркп., многие дают вообще даром.

Черкните пару слов в Беломорск до востребования, м(ожет) б(ыть) успею получить. Настроение хорошее, хотя порядком уже устал и поизмотался. С погодой повезло: тепло и сухо. Места тут замечательные. (...) Дайте почитать это письмо Руфине Петровне. Жму руку.

Ваш Л. Дмитриев.

24.VI.1959

〈Письмо от 21 июня 1960 г.〉²⁶

Здравствуйте, дорогой Владимир Иванович!

Что-то в этом году нам совершенно не везет. Забрались Бог знает куда, с большим трудом, никак не можем выбраться отсюда. И самое обидное и самое главное: нет, нет ничего, да и не было тут никогда рукописей. Единственное утешение: уж после нас не надо будет больше ездить на Терский берег за рукописями. В этих местах старообрядцев не было, и, по-видимому, этим все и объясняется. Должны были сегодня утром уехать из Кузомени²⁷ на пароходе, который, как вчера объявили в сельсовете, должен был отбыть в 10—11 утра. Пристань в деревне в 4-х км от устья, куда подходит пароход. В 8-м утра уехали со всеми собиравшимися ехать из деревни на моторной лодке к устью. Подъехали туда, а пароход минут за 15—20 до этого отошел: увидели только на горизонте, как он удаляется. Вскоре должен был проходить грузовой пароход. Когда он появился против нас, то понеслись за ним вдогонку, проехали км 10, но так и не остановился, а дальше ехать было уже рискованно — боялись, что не хватит бензина. Вот и пришлось вернуться обратно в деревню. И сейчас сидим здесь с надеждой улететь завтра на самолете. А вот осуществится ли эта надежда, не знаем: самолет очень небольшой, а желающих, тем более теперь, когда на пароход очень многие не попали, вполне достаточно.

Самое обидное в том, что бесцельно пропадает время. Правда, сможем досконально всех обходить, но здесь от этого толку нет никакого: рукописей ни ранних, ни поздних не было. Этот случай заставляет, как мне кажется, сделать бесспорный вывод о том, что здесь, на Севере, единственными хранителями старых рукописных традиций были только старообрядцы. Вероятно, это не ново, но все же наша поездка, думается мне, лишний раз подтвердит это положение. По времени возникновения места очень старинные и очень глухие, во всяком случае гораздо более глухие, чем те, в которых мы были в прошлом году. И все же ничего нет. И бесспорно, как показывают наши многочисленные расспросы и беседы, ни у отцов, ни у дедов уже пожилых людей, живущих ныне, книг тоже не было. Вот пока единственный результат поездки этого года. Грустно, конечно, и обидно, но что же поделаешь! И в довершение всех бед никак не выбраться из этого неудачного района.

О том, где мы уже побывали и как добирались, я подробно написал Руфине Петровне, и Вы расспросите у нее, а Вам я писать сейчас уже не буду. Письмо ей и Вам я посылаю одновременно. М(ожет) б(ыть), Вы получите немного раньше, чем она, так как ей пишу на домашний адрес в Автово, а Вам на служебный. Скажите ей: пусть сразу же напишет мне по адресу²⁸: Карельская АССР, Лоухский район, поселок Чупа, до востребования. Хоть проездом, но там будем, вероятно, если вообще когда-нибудь выберемся отсюда, — хоть пешком махать 150 км. Вообще-то мы, наверное, даже решились бы и на это, если бы путь наш лежал через деревни, в которых мы не были, а мы всюду уже побывали, и всюду ничего нет. Уж очень обидно впустую столько махать. Быстрее, чем за три дня, не пройти, а за это время, я думаю, что или на самолете, или на рабочей шхуне какой-нибудь выберемся, может быть. Становится уже тоскливо столько времени ничего не знать о том, что делается дома и в Секторе. (...) Вам кланяется А. И. Копанев. Всего доброго.

Ваш Л. Дмитриев

21.VI.60 г.

Комментарии

¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 44–46 (рукопись, автограф Е. А. Маймина); на л. 17–20 и 40–43 две машинописные копии этого отчета. Архивное дело содержит также экспедиционный дневник Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина и опись приобретенных книг.

² Михаил Осипович Скрипиль (1892–1957) — доктор филологических наук, профессор, исследователь древнерусской литературы; в 1938–1957 гг. работал в Отделе древнерусской литературы Пуш-

кинского Дома, одновременно, в 1945–1957 гг., — на кафедре русской литературы Ленинградского государственного университета.

³ Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007) — доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР (1981), фольклорист. В 1947–1961 гг. работал в Петрозаводске, возглавлял сектор литературы в ИИЯЛ, читал лекции в Петрозаводском университете.

⁴ Слово написано над строкой.

⁵ Найденные в ходе экспедиции рукописи и книги находятся в настоящее время в Древле-хранилище ИРЛИ: 1) рукописи: Карельское собр. № 40, 145, 228, 229, 238, 239, 322, 330, 364, 394; 2) печатные книги: Собр. старопечатных книг (оп. 36). № 6, 13, 103. Одну печатную книгу — «Церковный устав» Почаевской типографии — разыскать не удалось. Подробнее см.: [Пигин 2023].

⁶ Речь идет об Апостоле (М., 1597), первая статья которого имеет название: «Сказание святого Епифания, епископа Кипрского, о двенадцятих святыах апостол...». ИРЛИ. Древлехранилище. Собр. старопечатных книг (оп. 36). № 6.

⁷ Иван Михеевич Абрамов (1869–1949) — крестьянин из деревни Космозеро, иконописец, живописец, резчик по дереву, книжник, занимавшийся перепиской рукописей.

⁸ Всеволод Измаилович Срезневский (1867–1936) — археограф, чл.-корр. по Отделению русского языка и словесности Академии наук, хранитель Отдела рукописей в Библиотеке Академии наук. В 1902–1905 гг. собирал рукописи в Олонецкой губернии, в том числе в Заонежье.

⁹ Имеется в виду полевой дневник экспедиции (см.: [Пигин 2023]).

¹⁰ Слово написано поверх зачеркнутого.

¹¹ Правильно: Вегорукса (в местном произношении — Вёгруксы).

¹² По-видимому, речь идет о Нюхче.

¹³ Об этом Василии более подробные сведения содержатся в полевом дневнике 1948 г.: «Старо-обрядец, живет в Беломорском районе, в дер. Тюкция <так!>, пишет уставом. Чуркина о нем только и знает, что зовут его Василий. Всю жизнь проводит в постоянных молитвах, способен с утра до вечера и всю ночь писать книги, не обращая внимания ни на что окружающее. А когда спросят, кто он, как его зовут, ответит: „Раб Божий“. Его имя сделалось почти легендарным даже среди его ближайших родственников» [Пигин 2023]. По-видимому, он же упоминается и в отчете об экспедиции 1959 г.: «В Нюхче было много старообрядцев. <...> Одна местная жительница <...> была когда-то в очень близких отношениях с наставником старообрядцев Васенькой, теперь уже покойным. У Васеньки было очень много книг...» [Дмитриев, Копанев 1961, с. 535].

¹⁴ Далее несколько слов зачеркнуто.

¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 191. Л. 12–16 (рукопись, автограф Л. А. Дмитриева).

¹⁶ В. И. Малышев ездил в указанные районы дважды: в сентябре 1940 г. (вместе с В. М. Морозовым) и в апреле 1941 г. [Малышев, с. 149–155].

¹⁷ Правильно: Поньгома.

¹⁸ Правильно: Калгалакша.

¹⁹ Далее зачеркнуто слово «удалось».

²⁰ Федор Антонович Каликин (1876–1971) — старообрядец, собиратель древнерусских и старо-обрядческих рукописей, иконописец, реставратор икон.

²¹ Слова «и обещал» написаны дважды.

²² РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433 (письма Л. А. Дмитриева к В. И. Малышеву). Л. 24–27.

²³ ИРЛИ. Карельское собр. № 58. Сборник конца XVIII в., в 8-ку, 359 л., полуустав. Переплет: доски в коже.

²⁴ Руфина Петровна Дмитриева (1925–2001) — доктор филологических наук, исследователь древнерусской литературы; в 1954–1989 гг. работала в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Жена Л. А. Дмитриева.

²⁵ Из Керети была послана телеграмма следующего содержания: «В Керети собрали более двадцати рукописей. Много шестнадцатого века. Дмитриев»; она сохранилась в фонде В. И. Малышева: РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433. Л. 23.

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 433. Л. 36–41 об.

²⁷ Село Кузомень находится в Терском районе Мурманской области, на берегу р. Варзуги, недалеко от ее впадения в Белое море.

²⁸ Далее написано и зачеркнуто: «Мурманская обл.».

Литература

Барсов — *Барсов Е. В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1874. [2], IV, 85 с.

Демкова — *Демкова Н. С.* Русская житийная литература в исследованиях Льва Александровича Дмитриева // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 17–25.

Дмитриев 1951 — *Дмитриев Л. А.* Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. Вып. 3. С. 287–290.

Дмитриев 1972 — *Дмитриев Л. А.* Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 330–337.

Дмитриев 1973 — *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 304 с.

Дмитриев 1992 — *Дмитриев Л. А.* Запах ржаного хлеба // Александр Ильич Копанев: Сб. ст. и воспоминаний. СПб.: БАН, 1992. С. 90–95.

Дмитриев, Копанев 1961 — *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 531–544.

Дмитриев, Копанев 1962 — *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 412–419.

Конусова — *Конусова Е. Д.* XXXV Малышевские чтения // Русская литература. 2012. № 1. С. 243–247.

Лев Александрович Дмитриев — Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 140 с.

Маймин — *Маймин Е. А.* Памяти друга // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 55–61.

Малышев — *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 149–158.

Маркелов — *Маркелов Г. В.* Писания выговцев: Каталог-инципитарий. Тексты: По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 420 с.

- Петтерссон — *Петтерссон Л.* Иконописная мастерская в Заонежье // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1993. М.: Наука 1994. С. 264–275.
- Пигин 2013 — *Пигин А. В.* Стих о бесе Зерефере // Живая старина. 2013. № 1. С. 27–30.
- Пигин 2015 — *Пигин А. В.* «Слово от Старчества»: Беседа инока Захарии с учеником Евфимием об антихристе — малоизвестное старообрядческое сочинение XIX в. // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 406–422.
- Пигин 2023 — *Пигин А. В.* Дневники Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина: археографическая экспедиция в Заонежье в 1948 году // Русская литература. 2023. № 3 (в печати).
- Юхименко — *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.

References

- Barsov, E. V (1874). *Opisanie rukopisei i knig, khraryashchikhsya v Vygolesinskoj biblioteke*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Arkheograficheskoi komissii, [2]+IV+85 p.
- Demkova, N. S. (1995). 'Russkaya zhitiinaya literatura v issledovaniyakh L'va Aleksandrovicha Dmitrieva', in: *Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiya. Tvorcheskii put'. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 17–25.
- Dmitriev, L. A. (1951). 'Arkheograficheskie ekspeditsii v Zaonezhskii raion Karelo-Finskoi SSR', in: *Doklady i soobshcheniya Filologicheskogo instituta Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 3, 287–290.
- Dmitriev, L. A. (1972). 'Sostoyanie i perspektivy izucheniya knizhno-rukopisnykh traditsii Zaonezh'ya', in: *Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi: po materialam Pushkinskogo Doma*. Leningrad: Nauka, 330–337.
- Dmitriev, L. A. (1973). *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamyatniki literatury XIII–XVII vekov. Evolyutsiya zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*. Leningrad: Nauka, 304 p.
- Dmitriev, L. A. (1992). Zapakh rzhanogo khleba, in: *Aleksandr Il'ich Kopanev: sbornik statei i vospominanii*. Saint Petersburg: Biblioteka Akademii nauk, 90–95.
- Dmitriev, L. A., Kopanev, A. I. (1961). 'Arkheograficheskaya ekspeditsiya v Belomorskii, Kemskii i Loukhskii raiony Karel'skoi ASSR letom 1959 goda', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 17, 531–544.
- Dmitriev, L. A., Kopanev, A. I. (1962). 'Arkheograficheskaya ekspeditsiya v Murmanskuyu oblast' i Karel'skuyu ASSR letom 1960 goda', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 18, 412–419.
- Konusova, E. D. (2012). 'XXXV Malyshevskie chteniya', *Russkaya literatura*, 1, 243–247. *Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiya. Tvorcheskii put'. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995. 140 p.
- Maimin, E. A. (1995). 'Pamyati druga', in: *Lev Aleksandrovich Dmitriev. Bibliografiya. Tvorcheskii put'. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 55–61.
- Malyshev, V. I. (1947). 'Zametki o rukopisnykh sobraniyakh Petrozavodskaya i Tobol'ska', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 5, 149–158.

- Markelov, G. V. (2004). *Pisaniya vygotsev. Katalog-intsipitarii. Teksty. Po materialam Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 420 p.
- Pettersson, L. (1994). 'Ikonopisnaya masterskaya v Zaonezh'e', in: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik 1993*. Moscow: Nauka, 264–275.
- Pigin, A. V. (2013). 'Stikh o bese Zerefere', *Zhivaya starina*, 1, 27–30.
- Pigin, A. V. (2015). "'Slovo ot Starchestva": Beseda inoka Zakharii s uchenikom Evfimiem ob antikhriste — maloizvestnoe staroobryadcheskoe sochinenie XIX veka', in: *Krugi vremen: V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi*. Moscow: Indrik. Vol. 2: Issledovaniya. Posvyashcheniya i vospominaniya, 406–422.
- Pigin, A. V. (2023). 'Dnevnik L. A. Dmitrieva i E. A. Maimina: arkhograficheskaya ekspeditsiya v Zaonezh'e v 1948 godu', *Russkaya literatura*, 3 (in print).
- Yukhimenko, E. M. (2002). *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': dukhovnaya zhizn' i literatura*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1, 544 p.; Vol. 2, 480 p.